

УДК 81'42
ББК 81.2-5

А.И. Трубкина

**ПЕРИОД И ЕГО МЕСТО
В СИСТЕМЕ ЕДИНИЦ
ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ**

В статье определяется место периода среди структурных единиц текста, его общие и дифференциальные признаки с предложением и сложным синтаксическим целым, исследованы функции периода и сложного синтаксического целого, аналогичного периоду, в плане репрезентации эффекта «обманутого ожидания» и логических отношений между частями.

Ключевые слова: *период, сложное синтаксическое целое, текст, событие.*

Трубкина Анна Ивановна — аспирант кафедры русского языка и культуры речи Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8-903-463-20-83
E-mail: trubkina16@yandex.ru

Несмотря на существование в русском языкознании многочисленных исследований, посвященных изучению периода как стилистического (Р.Д. Лебедева, Д.М. Земский, С.Е. Крючков, М.А. Пустынников), синтаксического (Д.Н. Ушаков, С.Г. Бархударов, А.Г. Руднев, В.Г. Адмони, А.Н. Карпов и др.) и литературоведческого явления, текстообразующие особенности этой структурной единицы текста изучены еще недостаточно. В своей монографии, посвященной изучению периода как синтактико-стилистического и текстообразующего явления русского языка, Л.И. Байкова отмечает, что роль периода в образовании текста «проявляется в определенной взаимосвязи явлений, событий, фактов, взятых во временной и пространственной перспективе» [Байкова, с. 170]. При этом специфика периодических построений коррелирует с жанровыми характеристиками текста. Данные структуры распространены в художественных (прозаических и поэтических) текстах, в публицистике, в ораторской речи. Подробно о том, как с помощью периода строится художественный текст, о его текстообразующей функции, исследователь не пишет.

Период активно и регулярно используется в текстах разных жанров и типов и является «не только определенной целостной единицей речевого общения, но и составной частью, строительным материалом целого текста ...» [Байкова, с. 3].

Стремительно развивающаяся в настоящее время лингвистика

текста, антропоцентрический подход к описанию языковых явлений позволяет сделать анализ периода многоаспектным, по-новому взглянуть на эту синтаксическую конструкцию, рассмотреть его роль в создании текста, а также специфику его функционирования в тексте. Так как период представляет собой синтаксическое образование укрупненного типа, вопрос о его объеме также требует ответа.

В период становления лингвистики текста под текстом понималась некоторая (законченная) последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора. Следовательно, возникла задача определения видов этой связи и правил ее передачи во избежание ложной трактовки текста читателем.

Весь синтаксис целого текста строился на уподоблении межфразовых связей и отношений тем отношениям, которые наблюдаются между частями сложного предложения.

Трактовка текста по «образу и подобию» предложения позволяла ученым использовать богатый арсенал результатов и методов «внутрифразового» синтаксиса, но одновременно вынуждала их либо оставлять вне поля своего зрения, либо объявлять «неязыковыми» и «неграмматическими» те средства межфразовой связи, которые не имеют аналога «внутри» предложения.

Сложное синтаксическое целое (далее — ССЦ) является основной структурной единицей текста, которая окончательно не сформировалась и еще формируется за счет уже существующих синтаксических единиц, заимствуя их признаки и свойства. Это общезыковой процесс. Квалификация ССЦ как особой синтаксической единицы и единицы текста требует его изучения в системе других синтаксических единиц с целью определения места ССЦ в этой системе. Наряду с абзацем, сложным синтаксическим целым и сверхфразовым единством период рассматривается как структурная единица текста. Для этого, на наш взгляд, совершенно необходимо выявить черты сходства и различия данных единиц, периода и текста, являющихся ближайшими к нему в иерархии синтаксической системы.

Считаем, что текст — это поликоммуникативная и полисемантическая единица, которая включает в себя сложные синтаксические целые и самостоятельные предложения, обладает структурной независимостью, относительной смысловой и структурной завершенностью и формирует концептуально значимый смысл, отражающий коммуникативно и когнитивно заданный фрагмент действительности. Характерным признаком текста является наличие в нем нескольких субъектно-речевых планов, создающих полифонию повествования и позволяющих описывать ситуацию с разных точек зрения (внешний интерпретатор — автор текста, находящийся «вне ситуации», внутренний интерпретатор — повествователь или персонаж, описывающий ситуацию «изнутри») [Малычева, с. 16].

Нельзя не согласиться с мыслью о том, что собственно коммуникативная функция языка обслуживается не только (и не столько!) от-

дельным предложением, но и более сложным синтаксическим построением, состоящим из соположенных предложений и характеризующимся семантическим (реализация определенной микротемы) и грамматическим (лексико-грамматические средства связи, видо-временные отношения и др.) единством. Такое понимание ССЦ положило начало развитию концепции аналогичности сложного синтаксического целого и сложного, усложненного предложения, в том числе и периода как сложного синтаксического построения.

Известно, что основной единицей фоновых знаний для сложного синтаксического целого является событие. «Событие как когнитивно-семантическая структура формируется на базе однородных сцен, имеющих совпадающие общие и существенные признаки» [Шабес, с. 18] и представляет собой отражение в сознании и языке некоторого явления (обобщенной серии однородных с точки зрения адресанта явлений) в виде определенных содержательных единиц. Это отражение возможно как в виде периода, текста, так и в форме ССЦ, части которого могут быть, в частности, объединены сочинительными союзами. И, следовательно, анализ процессов смысловой координации и взаимопроницаемости предикативных частей, а также причин их отсутствия является важной задачей анализа периода как структурно-семантической единицы и ССЦ как единицы коммуникативного синтаксиса.

Как известно, «событие является сложной многоуровневой, многомерной единицей фонового знания... причем континуальность события онтогенически обеспечивается непрерывностью отражаемого мира» [Шабес, с. 11–19].

ССЦ же представляет собой линейно упорядоченную совокупность предикативных единиц, отражающих это сложное событие.

В языке существуют ССЦ, аналогичные периоду, компоненты которого представляют предметный и ментальный аспект события.

Ментальный аспект события предполагает фокусирование внимания внешнего интерпретатора на рациональной и эмоциональной деятельности всех одушевленных предметных компонентов (людей) в связи с данным представленным событием. Предметный аспект отражает собой предметную внешнюю практическую деятельность, а также предметные условия этой деятельности (реальная действительность: внешняя среда, время, пространство и т.п.). Таким образом, ССЦ на семантическом уровне представляет собой переход от описания субъективного эмоционального (психического) состояния персонажа к описанию состояния внешней среды (или наоборот), что объясняем и разными смысловыми планами.

Внутренний мир человека, его мысли и эмоции, его рациональная и эмоциональная деятельность представляют собой особый мир, который другой человек воспринимает опосредованно, косвенным образом, через умственные представления о нем, через те сведения, которые ему сообщаются собеседником. Ментальный аспект события воспринимается только в пересказе, только со слов автора текста или персонажа.

Например: *«Но, пробыв два месяца один в деревне, он убедился, что это не было одно из тех влюблений, которые он испытывал в первой молодости; что чувство это не давало ему минуты покоя; что он не мог жить, не решив вопроса: будет или не будет она его женой; и что его отчаяние происходило только от его воображения, что он не имеет никаких доказательств в том, что ему будет отказано. И он приехал теперь в Москву с твердым решением сделать предложение и жениться, если его примут. Или... он не мог думать о том, что с ним будет, если ему откажут.»* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина) В ССЦ, аналогичном периоду данного типа, автор текста во втором предложении дает описание окружающего персонажей реального мира, в первом – описание эмоционального состояния персонажа. Если бы в этот момент читатель находился рядом с автором текста, он предположительно точно так же, как и автор, воспринял бы предметный аспект ситуации – объекты реального мира. Работало бы зрительное, слуховое, чувственное, сенсорное восприятие действительности. Но ментальный аспект ситуации, передающий психическую, эмоциональную, внутреннюю жизнь другого человека, можно воспринимать только с его собственных письменных или устных слов. В периоде данного структурно-семантического типа сочинительный союз сохраняет свою семантику, хотя объединяет предикативные единицы разных смысловых планов, отражающих ментальный и предметный аспекты события. Союз «и» выполняет здесь совершенно особую функцию, – являясь сигналом, маркером границы между первой частью периода, состоящей из пяти однородных придаточных изъяснительных с повторяющимся союзом «что» и произносимых с повышающейся интонацией. Интересно, что части периода дифференцированы семантически – первая часть периода – по существу выражает переживания автора, его влюбленности, вторая – его реальные действия в объективном мире.

Следующим типом является ССЦ, аналогичное периоду, включающее в себя компоненты «общее» и «частное». Например: *«Есть люди, которые, встречая своего счастливого в чем бы то ни было соперника, готовы сейчас же отвернуться от всего хорошего, что есть в нем, и видеть в нем одно дурное; есть люди, которые, напротив, более всего желают найти в этом счастливом сопернике те качества, которыми он победил их, и ищут в нем со щемящей болью в сердце одного хорошего. Левин принадлежал к таким людям.»* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина) События следуют от общего к частному, тем самым акцентируя внимание читателя на персонаже. Но существуют и конструкции, в которых наблюдается обратное движение – от «частного» к «общему». Например: *«Заревела на выгонах облезшая, только местами еще не перелинявшая скотина, заиграли кривоногие ягнята вокруг теряющих волну блеющих матерей, побежали быстроногие ребята по просыхающим, с отпечатками босых ног тропинкам, затрещали на пруду веселые голоса баб с холстами, и застучали по дворам топоры мужиков, налаживающих сохи и бороны. Пришла настоящая весна.»* (Л. Н. Тол-

стой. Анна Каренина) В данном случае пятичленный период в первой своей части представляет собой бессоюзное сложное предложение, и также бессоюзно связана с ней вторая часть периода.

Третий тип представляет ССЦ, аналогичное периоду, один из компонентов которого представляет собой выражение ирреальной / реальной модальности. Например: *«Как будто было что-то в этом такое, чего она не могла или не хотела уяснить себе, как будто, как только она начинала говорить про это, она, настоящая Анна, уходила куда-то в себя и выступала другая, странная, чуждая ему женщина, которой он не любил и боялся и которая давала ему отпор. Но нынче он решился высказать все.»* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина) *«Пусть он плывет, корабль тот, при вахте неизменной, при навсегда зачехленных створах из океана в океан, и чтобы волны бились о корму и слышался бы несмолкаемый их мощный гул и грохот. Пусть брызги океана обдают его дождем свистящим, пусть дышит он той влагой горькой и летучей. Пусть слышит он гул машин и крики чаек, следующих за кораблем. И пусть корабль держит путь во светлый град на дальнем океанском берегу, хотя пристать к нему во веки не дано... Вот и все, более ничего не прошу в молитве своей ноче-дневной.»* (Ч. Айтматов. Плаха) *«Разве могла она выскочить из своей шкуры? Разве не пыталась она бесцельно и непрерывно метаться по горам и поймам вместе с Ташчайнаром, неотступно следующим за ней всюду и всегда, в надежде загнать себя, свалиться с ног, умереть от усталости, издохнуть? Разве не пыталась она утишить, заглушить неутихающую боль утраты, яростно, отчаянно нападая вместе с Ташчайнаром на всех, кто попадался им на пути? Разве не пыталась она вернуться в свое логово под скалой, чтобы еще раз убедиться, что оно пусто, чтобы окончательно убить в себе всякую надежду, чтобы не обманываться больше сновидениями?.. И никак не могла она избавиться от этих сжигавших ее мук.»* (Ч. Айтматов. Плаха) В данных примерах наблюдается наибольшая отстраненность производителя речи от ее субъекта и от самой речи. Непосредственная связь между производителем речи и ее субъектом отсутствует. Обозначаемое местоимением «она» определяется экстралингвистически: «она» — это лицо, предмет и т.д., которые попадают в сферу видения, понимания, знания производителя речи. В этом случае совершается наибольший отход производителя речи от собственной речи и, хотя производитель не назван в речи, он подразумевается.

Следует отметить, что в последнем анализируемом примере противопоставлена первая часть периода (четырёхчленного), где каждый член — вопросительное предложение с обратным смыслом, передающим, несмотря на наличие отрицательного «не», утвердительное значение, второй части периода — с частицей «не», которая имеет прямое, отрицательное значение.

Рассмотрим следующий пример: *«Степан Аркадьич был человек правдивый в отношении к себе самому. Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке. Он не мог рас-*

каиваться теперь в том, в чем он раскаивался когда-то лет шесть тому назад, когда он сделал первую неверность жене. Он не мог раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену, мать пяти живых и двух умерших детей, бывшую только годом моложе его. Он раскаивался только в том, что не умел лучше скрыть от жены.» (Л.Н. Толстой. Анна Каренина) Интересно то, что первая часть передает эмоциональное рассуждение персонажа – мотивировку того, о чем сообщает вторая часть. Части периода связаны между собой отношениями антитезы. При этом антитетичность подчеркивается повторами в первой части «не мог раскаиваться» и повтором слова «раскаиваться» во второй части, но только в утвердительном значении (без частицы «не»). То есть, как и в предыдущем примере периода, первая и вторая часть отличаются друг от друга и противопоставлены позитивным и негативным смыслом. Противопоставление позитивного негативному в частях периода может касаться достоинств или недостатков двух персонажей. Таков пример: *«И все в ней ему нравилось: и небольшой, едва заметный шрам на левой щеке (может быть, в детстве упала?), и то, как ладно она была одета – джинсы, куртка, поношенные сапоги с отвернутыми голенищами, – и то, как уверенно она вела мотоцикл: ведь сам Авдий умел ездить разве что на велосипеде...»* (Ч. Айтматов. Плаха) При этом позитивная характеристика дается в первой части персонажем – псевдоавтором другому лицу и выражается в виде ментального регистра речи. Во второй же части представлен объективно существующий факт, негативно характеризующий лицо, которое выступало с ментальной оценкой в первой части трехчленного периода. Интересно, что позитивно оцениваемое лицо, его наружность в первой части периода, может резко негативно оцениваться во второй.

Так называемые интерлексемы, присутствующие и в первой и второй части периода, имеют место в следующем примере: *«Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести.»* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина) Слово «прелестно» в пятичленном периоде повторяется пять раз. Во второй части налицо однокоренное ему слово «прелесть», но вторая часть выражается негативно-оценивающим эмотивным речевым актом. Таким образом, и первая, и вторая часть периода передают эмоционально-оценочное значение прелести Анны, но с диаметрально противоположных оценочных позиций, что подчеркивается наличием союза «но» на границе первой и второй частей.

Итак, период в плане соотношения семантики частей в целом часто характеризуется контрастным значением – утвердительным / отрицательным, положительной / негативной оценкой факта, антитетичными

отношениями, внутренней психической оценкой действительности и самим описанием действительности и т.п.

Существенным в выражении этих отношений выступают повторы, иногда модифицированные; союзы на границе частей периода и т.п.

Контрастность содержания частей периода способствует созданию автором приема «обманутого ожидания» (читатель уверен в истинности содержания первой части, чему способствует и повтор в составе членов первой части). Вторая же часть по своему содержанию противоположна тому, что ожидает читатель.

Таким образом, период служит актуализацией восприятия читателем художественного текста, усилению его художественно-воздействующей функции (не говоря уже о ритмичности и музыкальности, осуществляемой за счет повторов в первой части периода).

Можно сделать вывод о том, что в плане репрезентации эффекта «обманутого ожидания» период осуществляет те же функции, что и сложное синтаксическое целое с сочинительным союзом, осложненным конкретизатором.

Все это свидетельствует о том, что синтаксический период по существу представляет собой сложное синтаксическое целое, но особого, экспрессивно-эмоционального типа, выполняющее важные стилистические функции гармонизации художественного текста.

Литература

Байкова Л.И. Период как синтаксико-стилистическое и текстообразующее явление русского языка. Краснодар, 2000.

Мальцева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. Ростов н/Д., 2003.

Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.